

• **Любовный бестселлер** •

Роман

Если любишь —
не сдавайся!

Наталья
Миронина

Отказаться
Книжечке

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии *А. Кудрявцева*
Художественное оформление обложки *Г. Булгаковой*

Миронина, Наталия.
М64 Отказать Пигмалиону : [роман] / Наталия Миронина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Любовный бестселлер).

ISBN 978-5-699-93481-2

Два брата, замкнутый Вадим и любимец публики Юрий, с детства не могли найти общий язык — слишком они были разные. Впрочем, до последнего времени делить им было нечего. Все изменилось, когда в их жизни появилась Аля. Тонкая, звонкая, талантливая. Будущая звезда. Ее голос пленил Вадима, ее красота покорила Юрия. Братья вступили в бой за сердце юной сирены. Но кого полюбит она?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93481-2

© Миронина Н., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Конец

Он терпеть не мог Рождество в Нью-Йорке. Неугомонный город не затихал даже в Сочельник — вечер, предназначенный для тихих семейных радостей. На смену жителям предместий заступали туристы, желающие во что бы то ни стало отхватить от огромного города свою часть праздника. Впрочем, Центральный парк, на который он сейчас смотрел, был тих и почти уютен. Почти, потому что Нью-Йорк никто никогда не назовет уютным. В этом городе немыслимый драйв, какой тут может быть уют при таком нерве. А парк был красив даже в сумраке — листва, сохранившая краски осени, изморозь на ветках, зелень газона, поблекшая, оттого ставшая благородной. Зимний вечер превратил пейзаж в акварель размытого темно-лилового тона.

Он стоял у огромного окна с витиеватой рамой, а его плечо касалось тяжелой шторы с изображением «французской лилии». От шторы неожиданно пахло корицей. «Почему она выбрала этот роскошный старый дом-крепость, этот почти что замок Дракулы?! Из-за его славы?! Или потому, что ее слава теперь

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

так велика? Впрочем, что гадать! Я никогда не мог до конца понять ее...» Его мысли закрутились вокруг слова «конец»: «А ведь и правда это — конец. Конец всему, что могло иметь продолжение. Счастливое, спокойное, надежное. Продолжение, которое и не нужно было раньше, а теперь его невозможность представляется мне трагедией. Это — конец. И в нем виноват я. Затея была бессмысленной. Если любовь можно назвать затеей. Коварство? Интриги? Все — не то. Это были любовь и ошибка. Сейчас я за них расплачиваюсь».

Мужчина отошел в глубь огромной гостиной, и на мгновение в тусклом вечернем свете в окне отразился его облик — высокая фигура в темном костюме, узкая строчка белоснежных манжет и треугольник сорочки. Он был красив, статен, но стекло скрыло черты его лица, придав всей фигуре зловещую недосказанность. «Может, это было шуткой? Ценой в несколько лет? Хотел ли пошутить над ним, пошутил над собой. Может, я хотел ему отомстить? Отомстить за то, что он меня не принимал всерьез. Никогда, даже в детстве. Никогда не завидовал, никогда не считал соперником. Он был равнодушен ко мне, а мне сначала хотелось привязанности. Или дружбы. Но такой, настоящей, с секретами и клятвами, с тем самым чувством родства, которое сильнее всех других. Потом захотелось вражды. Тоже настоящей, с привкусом крови. Вражды значительной, долгой. Родственной, тоже с тайнами, но уже иными, некрасивыми. Потом, когда стало понятно, что ни того, ни другого в наших отношениях никогда не будет, захотелось соперничества. Легкомысленного, веселого соперничества. Мне всегда хотелось, чтобы он имел

Отказать Пигмалиону

ко мне отношение. Хоть какое-нибудь! Но он меня не замечал. Как глупо сейчас это все звучит. Как по-детски. И не верится, что прошлое могло привести к такому будущему. Но ведь привело. Привело к концу». — Он подошел к большому креслу, на которое был брошен мех, на вид прохладный в своей шелковистости. В какое-то мгновение он наклонился и погладил его рукой. Потом поднес ладонь к лицу. Опять запахло корицей. «Это ее духи. Мед с корицей. Сладкое и пряное...» И в этот момент он понял, что в комнате не один. Как давно она была здесь, он не мог сказать.

— Спасибо, что приехал. Я не хотела объясняться по телефону. — Женщина выступила из мрака, и он залюбовался ею. Она была так хороша, что заняло сердце. Это ощущение внутренней боли его преследовало все время, пока они были вместе. В первые дни знакомства — при взгляде на милое, доверчивое лицо. Затем — от страха потери, от сомнений в ее любви, от предчувствия неизбежной разлуки. Сейчас, в минуту расставания, сердце заболело тяжелой, злой, неизлечимой болью. В этой боли были гнев, бессилие, растерянность.

— Ты все уже решила? — спросил он.

— Да. Только ничего не спрашивай. Вот. — Женщина положила на стол какие-то бумаги. — Это деньги, которые ты мне подарил. Я не истратила ни копейки. Все в банке на счете и в сейфе. Спасибо, что ты так обо мне заботился. Но вложение денег в женщину — не самая лучшая идея. Мы — скрытны, переменчивы, непостоянны. Я не смогла пользоваться этими деньгами, хотя и знаю, что они от чистого сердца.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Я почему-то догадывался, что эти деньги ты не тронешь. И понимал почему.

— Потому что я не могла обещать тебе будущее.

— Ты даже не старалась!

— Не кричи. Ты не прав. Я старалась. Но ты так устроен: все, что тебе мешало, не нравилось, что ты не мог изменить, ты отодвигал в сторону. Ты это предпочитал не замечать. Впрочем, что я объясняю, и так все понятно. — Она вдруг повысила голос, но тотчас же смягчилась. — Извини. Мы уезжаем сегодня из Нью-Йорка. В том, что произошло, — наша с тобой вина. Не его. Обещаешь мне не злиться? Вам ведь нельзя ссориться.

Мужчина промолчал. Женщина помедлила, взяла с кресла меховую накидку и вышла из комнаты.

«Мать была права, и преступным легкомыслием было чувствовать себя победителем в то время, когда соперник не чувствовал себя побежденным!» — Он опустил в глубокое мягкое кресло и замер, не имея ни малейшего желания двигаться.

Старинный респектабельный жилой дом, именуемый «Дакота», принял еще одну человеческую тайну.

Потери и приобретения

Сквозняк гулял по ночной квартире, хотя с вечера все окна были тщательно прикрыты. Сквозь сон Варвара Сергеевна услышала какой-то шорох, тихий стук и характерный звук выдвигаемого ящика старого письменного стола. Открыв глаза, она обнаружила, что постель мужа пуста. Накинув халат, Варвара Сер-

Отказать Пигмалиону

геевна бесшумно прошла в кабинет. Там, за столом, в пижаме сидел Алексей Владимирович. Перед ним на столе лежали какие-то бумаги, папки, портмоне.

— Варя, попроси всех детей собраться на обед в воскресенье.

— Это еще зачем?!

— Попроси, и все.

Варвара Сергеевна посмотрела на мужа. На его щеках был почти кирпичный румянец, глаза блестели, как у человека с высокой температурой. Она не стала спорить, не стала просить вернуться мужа в постель, а только тихонько вышла из кабинета, оставив Алексея Владимировича наедине с его думами.

Большие бирюзовые сережки с массивными лапками были любимым украшением Варвары Сергеевны. «Мелкономенклатурная бирюза» — так говорила о них ее подруга и соседка Жанна. Сама Жанна носила только бриллианты, причем было совсем не важно куда — на рынок с водителем мужа, в Большой театр или в школу за детьми. «Ну-ну, наступили времена, что мы все стали мелкономенклатурными, а то и во-все...» — Варвара Сергеевна еще раз посмотрела на себя в зеркало, вздохнула и подошла к окну. Там, за широким, почти во всю стену, стеклом застыли Патриаршие пруды. Была зима, но, против обыкновения, огромная фигура Деда Мороза посреди пруда не стояла, разноцветные фонарики развешаны не были, музыка не играла. Через один горели обычные фонари, и в этом полумраке скользили немногочисленные конькобежцы. Глыбы обмерзшего, похожего на плохую соль снега облепили ограду сквера, загородили проезжую часть Малой Бронной и превратили пеше-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ходные тропинки в опасный аттракцион. «Весь город потонул в грязи, зато новая жизнь и свобода. Да на черта она нужна, эта новая жизнь!» — Варвара Сергеевна в сердцах запахнула плотные шторы, зажгла большой югославский торшер и села в кресло. Она ждала мужа с работы и боялась, что услышит от него самое плохое, что мог услышать партийный чиновник высокого ранга в эти смутные времена. «Хоть бы не уволили, хоть бы не уволили!» — Это заклинание она повторяла уже второй месяц. Эти же самые слова про себя повторяли на всех этажах этого дома — дома, принадлежащего управделами ЦК КПСС и населенного когда-то благополучными, сытыми, уверенными в себе людьми. Дом был светло-желтого кирпича, с большими дубовыми дверями, с огромным холлом на первом этаже, где распорядилась некая-нибудь консьержка, а сидели плотные молодые люди в одинаковых серых костюмах, белых рубашках и темных галстуках. Эти молодые люди смотрели за порядком в доме, во дворе, вызывали при необходимости из правительственного гаража машины.

Сейчас все было уже не так. Молодых людей не было, не было машин — ни черных «Волг», ни «Чаяк». Снег и лед никто не расчищал с широких мраморных ступенек при входе. Обитатели дома, затаив беспокойство и выказывая раздражение, по вечерам ходили друг к другу в гости, пили из старых запасов дорогой коньяк и виски. Жены в этих собраниях участия не принимали. Они сидели в других комнатах и пытались поддержать себя разговорами о пустяках. Удавалось им это плохо — пример их соседа, внезапно скончавшегося уважаемого Петра Силантьевича, был устрашающим. Петра Силантьевича, пришедшего на

Отказать Пигмалиону

работу в свой дубовый кабинет, оставили без секретаря, без света и без телефонной связи. Говорят, на его этаже даже отключили воду в туалетах. Только так, видимо, можно было справиться с несговорчивым влиятельным партийным деятелем. Петр Силантьевич умер на руках у своей жены через два часа после того, как обескураженный вернулся домой. Соседи поговаривали, что его можно было спасти, но «Скорая» то ли застряла в нынешних московских сугробах, то ли вообще не выехала. Вдова и дети покойного после похорон переехали на госдачу, но буквально через неделю вернулись опять в Москву — дачное управление распорядилось их дом отдать какому-то вновь образованному комитету. Из всех жильцов только старый большевик Коткин сохранял язвительное спокойствие и неуместно подшучивал над соседями:

— А что вы хотите? В семнадцатом году мы же всех буржуев повыгоняли, повыселяли...

Соседи на такую бестактность пытались не реагировать. К тому же сам Коткин не мог помнить о событиях одна тысяча девятсот семнадцатого года, поскольку было ему тогда всего два года.

Новая жизнь, наступившая так внезапно, пугала своей неаккуратностью и отсутствием всякого уважения. Варвара Сергеевна, дама практичная, могла бы обойтись без чистых тротуаров, персональной машины, тем более в гараже стояли собственная «Волга» и привезенный из ГДР «Фольксваген», но она с ужасом понимала, что страшное слово «безработный», это клеймящее какую-то другую жизнь определение, может коснуться ее мужа. Сбережения у них были, хотя и наполовину обесцененные, были бриллианты, были дорогие антикварные вещи и кар-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

тины. Но... «Не буду же я у Большого театра ими торговать, как тетки из Литвы, что сыром копченым торгуют», — ужасалась Варвара Сергеевна и периодически проводила ревизию шкафов. Ее в какой-то мере успокаивали стопки новых, еще в упаковках лежащих вещей — кожаные перчатки, дорогие платки и шарфы, джинсы, меховые шапки. «Какое счастье, что я не слушала Алексея и в ГУМе отоваривалась «с запасом». Варвара Сергеевна помнила, что муж страшно ворчал и стыдил ее:

— Ты что делаешь, зачем тебе столько перчаток? Еще подумают, что я спекулирую вещами!

— Брось! — отмахивалась жена. — Не знаешь, сколько сегодня набрала Величко!

— Что тебе Величко, у них сама знаешь кто там. — Алексей Владимирович многозначительно указывал пальцем вверх.

— Слушай, не ворчи, кому какое дело, сколько я купила перчаток! Что ты в самом деле?!

— Есть кому интересоваться, а потом, извини, по какой цене ты их покупаешь?

Это была правда. В этом волшебном месте цены были такие, словно наступил коммунизм. Не говоря уж об изобилии.

Теперь, глядя на свои запасы, Варвара Сергеевна, понимала, что была права. «С голоду не помрем, еще и дача есть своя, и квартиру успели для Вадима получить. Не пропадем», — успокаивала она себя, но страх перед этой неожиданной волной перемен не проходил. Кроме мужа, ее беспокоили дети. Погодки, они уже все были студентами престижных вузов, но то, что лихие времена скажутся на их судьбе, в этом уже не было сомнения. Первый звончек про-

Отказать Пигмалиону

звенел в Бауманском институте, где учился старший, Вадим. Его практика в какой-то лаборатории в Англии, которую пробил отец, отменилась. Выяснилось, что Бауманский институт не любит посылать в капиталистические страны своих студентов. «А раньше это кафедре было неизвестно? — саркастически подумала Варвара Сергеевна. — Все вы, голубчики, знали, просто раньше вы спорить бы даже не стали. А теперь, пожалуйста!» Больше всего в доме удивились реакции самого Вадима. Он остался спокоен, могло показаться, что даже доволен.

— Я тебя не понимаю, — однажды спросила раздраженно мать, когда сын приехал в воскресенье пообедать.

— Что именно тебе не ясно?

— Почему ты не добиваешься поездки?

— Не хочу, думаю, что здесь сейчас интересней будет. — Вадим невозмутимо уставился в газету «Московские новости».

— Что значит — интересней? Поясни. — Мать удивленно всплеснула руками и вдруг неожиданно зло крикнула: — И убери эту дрянь со стола! Чтобы отец даже не видел, что ты читаешь!

Вадим аккуратно сложил газету, положил ее рядом. Варвара Сергеевна последнее время особенно тщательно оберегала мужа от всего того, что лилось, сыпалось и извергалось из средств массовой информации. Она почти не задумывалась о сути напечатанного там — ее беспокоило то, что муж после очередной статьи долго не мог успокоиться, что-то про себя ворчал или, что хуже всего, сидел в своем кресле молча, не реагируя на домашних. Варвара Сергеевна пыталась отвлечь мужа, но это было почти невоз-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

можно. Ее неуклюжая и смешная попытка — она на видное место положила кассету с фильмом «Греческая смоковница», надеясь, что это изменит вектор интереса, — закончилась провалом. Алексей Владимирович, обнаружив эротику среди журналов, газет и телевизионной программы, в сердцах зашвырнул кассету под диван.

— Ты что это?! Анька же здесь вечно в газетах копается!

Возмущенно пыхтя, Алексей Владимирович уселся смотреть обличительную программу «Момент истины». Варвара Сергеевна смутилась, но все равно газеты и журналы с особенно острыми статьями от мужа прятала, а во время телевизионных передач пыталась всячески отвлечь его внимание.

Сейчас, глядя на рассеянно обедающего Вадима, Варваре Сергеевне стало совестно за свой крик. Тем более что женившийся сын уже несколько лет жил в двухкомнатной квартире у Белорусского вокзала. Квартиру выхлопотал отец. Помнится, тогда Варвара Сергеевна огорчалась, что сын будет жить не на соседней Спиридоньевке в таком же престижном доме, как у них, а у Белорусского вокзала в начале улицы Горького.

— Ты совсем заелась! Он что, ее сам заработал? — Муж возмущался громко и неподдельно.

Варвара Сергеевна тушевалась, но сама упрямо думала, что, например, Величко как-то смогли свою дочку отселить в престижный дом.

Варвара Сергеевна сама следила за ремонтом огромной квартиры, настояла на том, чтобы муж позвонил куда надо и сантехнику установили югославскую, паркет настелили новый, дубовый, с за-

Отказать Пигмалиону

мысловатым рисунком из более темных тонких дощечек. Кухонный гарнитур, посуда, постельное белье — все было расставлено, разложено, прибрано и благоустроено. Живи — не хочу. Вадим, вероятно, не очень хотел. Или на то были причины, о которых не очень внимательные родители не догадывались.

— Не понимаю нашего сына: девок, что ль, водить не хочет?! — удивлялся Алексей Владимирович вечером за своей дежурной порцией коньяка.

— Он свою единственную ждет, когда она все экзамены сдаст. А у тебя все на уме девки, — вскидывалась жена, тут же припоминая жгучую инструкторшу из райкома комсомола, с которой Алексей Владимирович когда-то закрутил роман.

— А что? Я в его возрасте...

Что он делал в возрасте своего сына, Алексей Владимирович уже помнил плохо — все силы, весь дух у него ушел на овладение приемами подковой игры. Без этого умения усидеть в кресле столько лет ему бы не удалось.

Варвара Сергеевна думала о том, что средний сын — Юра — тоже студент, но только уже факультета журналистики МГУ, уж точно ни минуты бы не задержался в родительском доме. Характеры у сыновей были разные — Вадим был «вещью в себе», молчаливым, неприветливым. Юра же легкий, улыбчивый, разговорчивый, всегда находил хорошие слова для всех вокруг без исключения, умел занять беседой как друзей родителей, так и однокурсников и случайных знакомых. Юра так мог рассказать забавный эпизод, что было не только интересно, но становилось очевидно, что сам Юра — человек, умеющий видеть то, что на поверхности не лежит.